

PACS: 62.50.+p, 64.10.+h, 64.30.+t

И.В. Жихарев^{1,2}, Е.Е. Горбенко², Е.П. Троицкая¹, В.В. Чабаненко¹,
Е.А. Пилипенко¹

AB INITIO РАСЧЕТЫ КВАНТОВЫХ ЭФФЕКТОВ В КРИСТАЛЛАХ ИНЕРТНЫХ ГАЗОВ ПОД ДАВЛЕНИЕМ

¹Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина НАН Украины
ул. Р. Люксембург, 72, г. Донецк, 83114, Украина
E-mail: zero@zero.fti.ac.donetsk.ua

²Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, Украина
E-mail: e_g81@mail.ru

Представлены теоретические ab initio исследования квантовых эффектов в сжатых кристаллах инертных газов (КИГ) в модели К.Б. Толпыго, явно учитывающей деформацию электронных оболочек в дипольном приближении. С помощью динамической матрицы на основе неэмпирического короткодействующего потенциала отталкивания и интегрирования по точкам главного значения в зоне Бриллюэна рассчитываются энергия нулевых колебаний, среднеквадратичное смещение и температура Дебая в гармоническом приближении сжатых кристаллов Ne, Ar, Kr и Xe с ГЦК-решеткой. Полученная барическая зависимость температуры Дебая находится в хорошем согласии с имеющимся экспериментом для Ne. Анализируется роль нулевых колебаний в термодинамике всего ряда КИГ, в частности в выполнении критерия плавления Линдемана.

Ключевые слова: кристаллы инертных газов, динамическая матрица, фононные частоты, решеточная теплоемкость, температура Дебая, нулевые колебания, среднеквадратичное смещение

1. Введение

Кристаллические неон и аргон наряду с гелием, водородом, их твердыми растворами (Ar–Ne, H₂–Ne и др.) относятся к группе «Low-Z materials» (LZM) – веществ, содержащих элементы с малым атомным номером (low-atomic number Z). Эта группа выделена исследователями, занимающимися большими давлениями, так как LZM обладают большой сжимаемостью, что приводит к значительному изменению постоянной решетки под давлением. Структурная простота делает эти кристаллы незаменимыми объектами при тестировании теории и изучении квантовых эффектов, которые в LZM играют существенную роль [1].

Адиабатический потенциал, необходимый для построения динамики кристаллических решеток, может быть рассчитан из первых принципов либо аппроксимирован известной функцией расстояния, т.е. использован метод межатомных модельных (эмпирических) потенциалов (обзор таковых представлен, например, в [2]).

В первопринципных методах не используются подгоночные параметры и феноменологические модели, необходимо знание только элементарного состава и геометрии кристаллической решетки. Один из таких методов – метод расчета физических свойств кристалла по теории функционала плотности (density-functional theory – DFT) [3].

Метод поляризуемого и деформируемого иона в DFT [4] идентичен первопринципному подходу, развитому К.Б. Толпыго.

В цикле работ [5–10] в рамках модели К.Б. Толпыго, явно учитывающей деформацию электронных оболочек в дипольном приближении, исследовались фоновые дисперсионные кривые ряда Ne–Xe, а также их термодинамические свойства при различных давлениях с учетом электрон-фононного взаимодействия.

В настоящей работе на основе построенной динамической и термодинамической теории решеток сжатых КИГ в неэмпирической версии модели деформируемых атомов исследованы квантовые эффекты в ряду Ne–Xe. Энергия нулевых колебаний, температура Дебая и среднеквадратичные смещения рассчитываются в гармоническом приближении при различных давлениях. На основе полученного параметра Линдемана обсуждается фон-фонное взаимодействие (ангармонизм) в КИГ.

2. Основные формулы и приближения. Энергия нулевых колебаний и температура Дебая

Энергия связи E_{coh} и решеточная теплоемкость C_V в гармоническом приближении описываются известными формулами:

$$E_{\text{coh}} = E_{zp} + E^* = \frac{N_A \Omega}{(2\pi)^3} \sum_{\lambda} \int d^3 k \hbar \omega_{\lambda}(\mathbf{k}) \left[\frac{1}{2} + n_{\lambda}(\mathbf{k}) \right], \quad (1)$$

где E_{zp} – энергия нулевых колебаний (ей соответствует слагаемое 1/2 в скобках в (1)), N_A – число Авогадро, $\Omega = 2a^3$ – объем элементарной ячейки для КИГ в ГЦК-фазе, a – параметр решетки, равный половине ребра куба;

$$C_V = \frac{R\Omega}{(2\pi)^3} \sum_{\lambda} \int d^3 k \left[\left(\frac{\hbar \omega_{\lambda}(\mathbf{k})}{k_B T} \right)^2 n_{\lambda}(\mathbf{k}) (n_{\lambda}(\mathbf{k}) + 1) \right], \quad (2)$$

$$n_{\lambda}(\mathbf{k}) = \left[\exp \left(\frac{\hbar \omega_{\lambda}(\mathbf{k})}{k_B T} \right) - 1 \right]^{-1},$$

где $R = k_B N_A$, $k_B = 1.3806662 \cdot 10^{-23}$ J/K – постоянная Больцмана.

При низких температурах $T \ll \theta_D$ (θ_D – температура Дебая при $T = 0$) C_V очень мала и пропорциональна T^3 . Поэтому для сравнения теории с экспериментом удобнее рассчитывать величину

$$\theta(T) = \left(\frac{12\pi^4}{5} \right)^{1/3} T \left(\frac{R}{C_V} \right)^{1/3}. \quad (3)$$

Нетрудно заметить, что при $T = 0$ $\theta(0) = \theta_D$.

Среднеквадратичное смещение вдоль любой кристаллической оси в рассматриваемых кубических кристаллах равно

$$\frac{1}{3} \langle u^2(T) \rangle = \frac{\hbar^2}{3M} \frac{\Omega}{a^3} \sum_{\lambda=1}^3 \int \frac{n_{\lambda\mathbf{q}} + \frac{1}{2}}{\omega_{\lambda\mathbf{q}}} d^3q, \quad (4)$$

где M – масса атома. Слагаемое с $1/2$ под интегралом представляет вклад нулевых колебаний $1/3 \langle u^2 \rangle_0$.

Для вычисления интегралов по зоне Бриллюэна (BZ) используем метод Чади–Коэна [11], сущность которого состоит в замене интеграла по BZ суммой значений подынтегральной функции в особых точках (точках главного значения), найденных теоретико-групповыми методами [12].

Координаты такой точки главного значения $\mathbf{k}^*$ для ГЦК-решетки были найдены в [13]: $\mathbf{k}^* = [0.6223; 0.2953; 0]$.

Вообще говоря, чтобы получить необходимую точность в расчетах, нужно знать значения искомой функции $f(\mathbf{k})$ в большом числе точек $\mathbf{k}$. В работе [11] авторы предложили метод генерирования этих точек на основе двух точек главного значения $\mathbf{k}_1$ и $\mathbf{k}_2$ для определения $f(\mathbf{k})$ в кристалле:

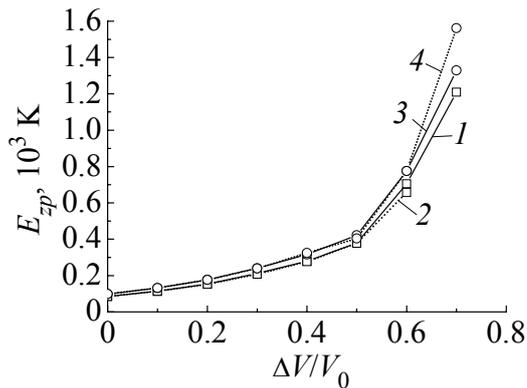
$$f(\mathbf{k}) = \frac{1}{4} [3f(\mathbf{k}_1) + f(\mathbf{k}_2)], \quad \mathbf{k}_1 = \left[\frac{3}{4}; \frac{1}{4}; \frac{1}{4} \right], \quad \mathbf{k}_2 = \left[\frac{1}{4}; \frac{1}{4}; \frac{1}{4} \right]. \quad (5)$$

Точки $\mathbf{k}_1$ и $\mathbf{k}_2$ используются в [11] для генерирования десяти устойчивых точек главного значения, по которым среднее $f(\mathbf{k})$ по зоне определяется с высокой степенью точности.

Тогда энергия нулевых колебаний будет

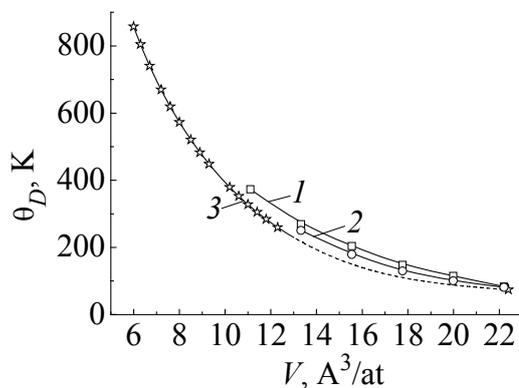
$$E_{zp} = \frac{1}{2} \frac{\Omega}{(2\pi)^3} \sum_{\lambda,i} \hbar \omega_{\lambda}(\mathbf{k}_i). \quad (6)$$

На рис. 1 представлена E_{zp} для Ne и Ag при различных степенях сжатия, рассчитанная без учета (модель М3) и с учетом электрон-фононного взаимодействия (модель М3а). Видно, что электрон-фононное взаимодействие в легких КИГ незначительно и заметно в Ne при сжатии $\Delta V/V_0 = 0.6$, а в Ag при $\Delta V/V_0 = 0.7$ (см. подробнее [14]).

Рис. 1. Энергия нулевых колебаний E_{zp} легких КИГ в зависимости от сжатия $\Delta V/V_0$, рассчитанная в моделях без учета (модель М3 – сплошная линия) и с учетом электрон-фононного взаимодействия (модель М3а – штриховая линия): $\square$ – Ne, $\circ$ – Ar

Как известно, экспериментальные значения E_{zp} при $p = 0$ измерены для ряда Ne–Kr [15,16]. Рассчитанные нами для Ne $E_{zp} = 83.8 \pm 2.5$ К, для Ar $E_{zp} = 97.7 \pm 0.7$ К (в зависимости от модели и схемы расчета). Экспериментальная энергия нулевых колебаний для Ne $E_{zp} = 78.5$ К [15], для Ar $E_{zp} = 86.1 \pm 2.5$ К [16], т.е. погрешность измерения составляет 3%. Погрешность расчетов по сравнению с экспериментальным значением для Ne и Ar составляет 7 и 13% соответственно. Рассчитанные нами для Kr $E_{zp} = 74.0 \pm 0.5$ К (в зависимости от модели и схемы расчета). Экспериментальная энергия нулевых колебаний для Kr $E_{zp} = 67.4 \pm 3$ К [16], т.е. погрешность измерения составляет 4%. Погрешность расчетов по сравнению с экспериментальным значением составляет около 10%.

Рис. 2. Зависимость температуры Дебая Ne от объема: $\square$, $\circ$ – расчет в моделях М3 и М5 соответственно; $\star$ – эксперимент [17]; штриховая линия – проведенная нами экстраполяция к значению $\theta_D = 75$ К при $V_0 = 22.234 \text{ \AA}^3/\text{at}$ [17]

На рис. 2 представлена рассчитанная нами зависимость температуры Дебая от объема до сжатия $\Delta V/V_0 = 0.5$ в модели М3 и до сжатия $\Delta V/V_0 = 0.4$ в модели М5. При больших давлениях формула (3) несправедлива. Как видно, согласие с экспериментом [17] удовлетворительное.

3. Среднеквадратичные смещения и параметр Линдемана

В таблице [18,19] указаны характеристики нулевых и тепловых колебаний КИГ при $p = 0$: энергия нулевых колебаний E_{zp} , среднеквадратичные смещения при $T = 0$ и $T = T_{m0}$, параметр Линдемана $\delta(T_{m0})$, равный отношению среднеквадратичного смещения вдоль одной из осей куба к половине межатомного расстояния в точке плавления при $p = 0$:

$$\delta(T_{m0}) = \left[\frac{2 \langle u^2(T_{m0}) \rangle}{3 a^2} \right]^{1/2}, \quad (7)$$

и вклад в него нулевых колебаний.

Таблица

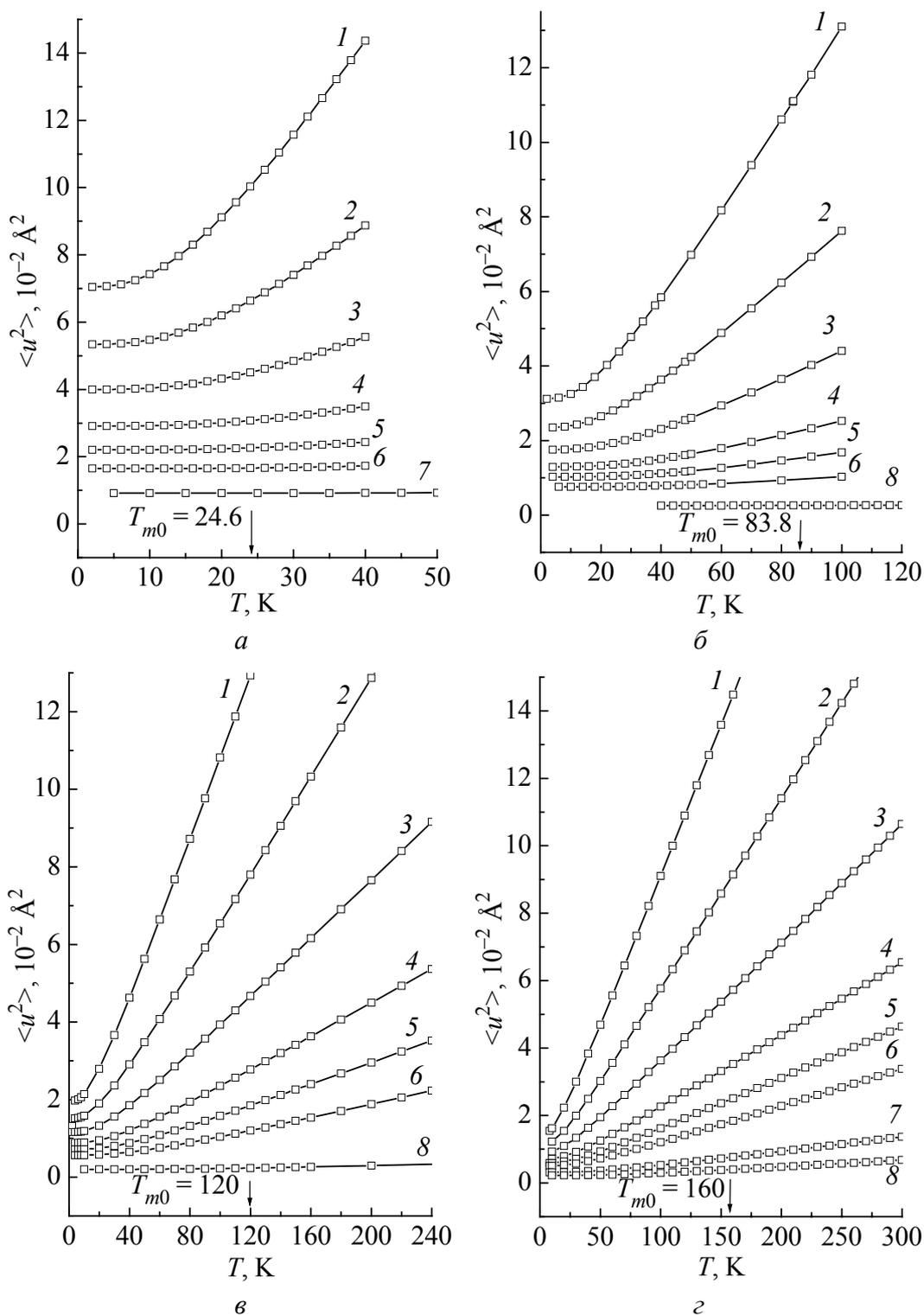
Характеристики нулевых и тепловых колебаний КИГ при $p = 0$

Кристалл		Ne	Ar	Kr	Xe
величина	модель	($T_{m0} = 24.6$ K)	($T_{m0} = 83.8$ K)	($T_{m0} = 115.8$ K)	($T_{m0} = 161$ K)
E_{zp} , К	М3а	83.8 ± 2.48	97.74 ± 0.72	74.0 ± 0.5	64.48 ± 0.37
	М1 [19]	79.2	91.4	72.6	62.9
	Эксп.	78.5 [15]	86.1 ± 2.5 [16]	67.4 ± 3.0 [16]	–
$\langle u^2 \rangle_0$, $10^{-2} \text{ \AA}^2$	М3а	7.0475	3.112	1.966	1.443
	М1	7.69	3.33	2.02	1.49
	MD [18]	8.58	3.204	2.074	1.513
	Эксп.	7.8 [15]	–	–	–
$\langle u^2(T_{m0}) \rangle_0$, $10^{-2} \text{ \AA}^2$	М3а	10.14	11.08	12.51	14.574
	М1	11.97	12.37	13.13	15.23
$\delta_0(T=0)$	М3а	0.097	0.054	0.040	0.032
	М1	0.101	0.056	0.041	0.032
$\delta(T_{m0})$	М3а	0.116	0.1023	0.1023	0.1018
	М1	0.127	0.108	0.105	0.104
E_{δ} , 10^4 К	М3а	0.13	0.80	1.11	1.55
	М1	0.15	0.73	1.05	1.49

Примечание. Модель М3а – настоящие расчеты в гармоническом приближении, параметры рассчитываются на основе неэмпирического короткодействующего потенциала; модель М1 – классическая версия теории К.Б. Толпыго [19], параметры взяты из эксперимента по фоновому спектру; MD – модель Дебая (см. [18, с. 158]).

Значения энергии E_{zp} и $\langle u^2 \rangle_0$ находятся в хорошем согласии с экспериментальными данными работ [15,16] и расчетами в модели М1 [19]. Кроме того, значения $\langle u^2 \rangle_0$ хорошо согласуются с вычисленными в модели Дебая (MD) (см. [18, с. 158]) для всех кристаллов, за исключением Ne. На рис. 3 представлены температурные зависимости $\langle u^2(T) \rangle$ для Ne, Ar, Kr, Xe при различных сжатиях. К сожалению, отсутствие экспериментальных данных не позволяет проверить нашу модель на описание температурной зависимости $\langle u^2(T) \rangle$ даже при $p = 0$.

Интересно отметить, что для КИГ (кроме Ne) критерий плавления Линдемана, т.е. постоянство $\delta(T_{m0})$, выполнен с удивительной точностью (параметр Линдемана $\delta(T_{m0}) = 0.102$ для Ar, Kr и Xe), хотя постоянная решетки изменяется на 20% при переходе от Ar к Xe. С другой стороны, как видно из таблицы, постоянство $\delta(T_{m0})$ не может быть достигнуто без учета нулевых колебаний, хотя сам их вклад δ_0 в ряду Ar, Kr, Xe изменяется значительно и очень велик для Ne.

Рис. 3. Температурная зависимость среднеквадратичного смещения $\langle u^2(T) \rangle$ для Ne (а), Ar (б), Kr (в) и Xe (г) (см. (4)) при разных сжатиях $\Delta V/V_0$: 1 – 0.0, 2 – 0.1, 3 – 0.2, 4 – 0.3, 5 – 0.4, 6 – 0.5, 7 – 0.6, 8 – 0.7

При высоких температурах $T \geq \theta_D$ из формулы (4) легко получить

$$\delta^2(T) = \frac{2}{3a^2} \frac{k_B T}{M} \frac{\Omega}{a^3} \sum_{\lambda=1}^3 \int \frac{d^3 q}{\omega_{\lambda \mathbf{q}}^2} \equiv \frac{T}{E_\delta}. \quad (8)$$

Величины типа E_δ широко используются при оценках теплового движения в твердом теле. Для них принимаются разные значения: от энергии связи до величин $Mv^2 \sim \Omega/\chi$ (χ – сжимаемость). В последней строке таблицы приведена вычисленная нами величина E_δ . Она с хорошей точностью совпадает с величиной Ω/χ (расхождение для Ne – 10%, для Xe – 2%).

Обратим внимание на то, что $\delta^2(T)$, являющийся параметром ангармоничности кристалла, достаточно мал по сравнению с единицей (он даже меньше, чем в щелочных металлах Al и Pb [20]). Таким образом, эффекты ангармоничности при высоких температурах меньше, чем обычно представляется.

4. Заключение

Проведенные в [19] сравнения показали, что, ограничившись гармоническим приближением, в модели M1 (классическая версия модели К.Б. Толпыго) авторы смогли получить согласие с экспериментом по теплоемкости с погрешностью ниже 3% во всем интервале температур (кроме Ne, где низкая (10%) точность эксперимента не позволяет сделать однозначных выводов). Эти результаты оказались значительно лучшими по сравнению с теориями, явно учитывающими ангармоничность кристаллов, что требует специального объяснения, поскольку принято считать, что КИГ являются сильно ангармоничными. Подтверждением большого ангармонизма считается тот факт, что $\langle u^2 \rangle_0$ представляет значительную долю $\langle u^2(T_{m0}) \rangle$ (см. таблицу). В действительности «истинное» движение атомов не очень сильно отличается от гармонических колебаний, частоты которых, однако, определяются членами не только второго порядка, но и более высокого. Определяя параметры теории из сравнения с экспериментальными дисперсионными кривыми, авторы эффективно учитывают это обстоятельство. Оставшаяся ангармоничность, возрастающая с температурой, уже не столь велика (параметр Линдемана $\delta(T_{m0}) \sim 0.1$). В то же время, включая члены третьего и четвертого порядков адиабатического потенциала в теорию теплоемкости, опирающуюся фактически на экспериментальные частоты, авторы учли бы ангармонизм дважды. Например, потенциал Бобетика–Баркера [21], параметры которого подогнаны под эксперимент, относится уже не к гармоническому потенциалу, а к эффективному псевдогармоническому, который приближенно учитывает и ангармонизм.

Перечисленные соображения свидетельствуют о том, что усовершенствование теории в направлении учета ангармонизма должно проводиться с большой осторожностью. В частности, сравнительный анализ характеристик

КИГ, полученный в М1 и М3а (см. таблицу), показывает незначительные их различия. Исследованию фонон-фононного взаимодействия (ангармонических эффектов) будет посвящена отдельная статья.

1. *R.J. Hemley, H.K. Mao*, J. Phys.: Condens. Matter **10**, 11157 (1998).
2. *А.Ф. Прихотько, В.Г. Манжелей, И.Я. Фуголь, Ю.Б. Гайдидей, И.Н. Крупский, В.М. Локтев, Е.В. Савченко, В.А. Слюсарев, М.А. Стржемечный, Ю.А. Фрейман, Л.И. Шанский*, Криокристаллы, Наукова думка, Киев (1983).
3. *P. Hohenberg, W. Kohn*, Phys. Rev. **B136**, 864 (1964).
4. *Е.Г. Максимов, В.И. Зиненко, Н.Г. Замков*, УФН **174**, 1145 (2004).
5. *Е.Е. Horbenko, Е.Р. Troitskaya, Val.V. Chabanenko*, ФНТ **33**, 752 (2007).
6. *Е.П. Троицкая, В.В. Чабаненко, Е.Е. Горбенко*, ФТТ **47**, 1683 (2005).
7. *Е.П. Троицкая, В.В. Чабаненко, Е.Е. Горбенко*, ФТТ **48**, 695 (2006).
8. *Е.П. Троицкая, В.В. Чабаненко, Е.Е. Горбенко*, ФТТ **49**, 2055 (2007).
9. *Е.П. Троицкая, В.В. Чабаненко, Е.Е. Горбенко, Н.В. Кузовой*, ФТТ **50**, 696 (2008).
10. *Е.П. Троицкая, В.В. Чабаненко, Е.Е. Горбенко*, ФТТ **51**, 1999 (2009).
11. *D.J. Chadi, M.L. Cohen*, Phys. Rev. **B8**, 5747 (1973).
12. *A. Baldereschi*, Phys. Rev. **B7**, 5212 (1973).
13. *A. Baldereschi*, Bull. Am. Phys. Soc. **17**, 237 (1972).
14. *Е.П. Троицкая, В.В. Чабаненко, Е.Е. Горбенко, Н.В. Кузовой*, ФТВД **17**, № 3, 14 (2007).
15. *J. Eckert, W.B. Daniels, J.D. Axe*, Phys. Rev. **B14**, 3649 (1976).
16. *R.H. Beaumont, H. Chihara, J.A. Morrison*, Proc. Phys. Soc. **78**, 1462 (1961).
17. *A. Dewaele, F. Datchi, P. Loubeyre, and M. Mezouar*, Phys. Rev. **B77**, 094106 (2008).
18. *Дж. Рейсланд*, Физика фононов, Мир, Москва (1975).
19. *Е.В. Зароченцев, К.Б. Толпыго, Е.П. Троицкая*, ФНТ **5**, 1324, (1979).
20. *V.G. Bar'yakhtar, E.V. Zarochentsev, and E.P. Troitskaya*, Theory of Adiabatic Potential and Atomic Properties of Simple Metals, Gordon and Breach, London (1999).
21. *M.V. Babetic, J.A. Barker*, Phys. Rev. **B2**, 4169 (1970).

І.В. Жихарев, С.С. Горбенко, О.П. Троицкая, В.В. Чабаненко, К.О. Пилипенко

AB INITIO РОЗРАХУНКИ КВАНТОВИХ ЕФЕКТІВ У КРИСТАЛАХ ІНЕРТНИХ ГАЗІВ ПІД ТИСКОМ

Представлено теоретичні *ab initio* дослідження квантових ефектів у стиснених кристалах інертних газів (КИГ) у моделі К.Б. Толпыго, що явно враховує деформацію електронних оболонок у дипольному наближенні. За допомогою динамічної матриці на основі неемпіричного короткодіючого потенціалу відштовхування та інтегрування за точками головного значення в зоні Бріллюена розраховано енергію нульових коливань, середньоквадратичне зміщення та температура Дебая в гармонічному наближенні стиснених кристалів Ne, Ar, Kr і Xe з ГЦК-граткою. Отримана барична залежність температури Дебая добре узгоджується з наявним експе-

риментом для Ne. Аналізується роль нульових коливань у термодинаміці всього ряду КІГ, зокрема у виконанні критерію плавлення Ліндемана.

Ключові слова: кристали інертних газів, динамічна матриця, фононні частоти, ґраткова теплоємність, температура Дебая, нульові коливання, середньоквадратичне зміщення

I.V. Zhikharev, Ie.Ie. Gorbenko, E.P. Troitskaya, V.V. Chabanenko, E.A. Pilipenko

AB INITIO CALCULATIONS OF QUANTUM EFFECTS IN RARE-GAS CRYSTALS UNDER PRESSURE

Theoretical *ab initio* studies of quantum effects for compressed rare-gas crystals (RGC) by using K.B. Tolpygo's model taking into account the deformation of electron shells in dipole approximation are represented. The energy of zero-point vibrations, mean-square displacement, and the Debye temperature for compressed hcp-Ne, -Ar, -Kr, and -Xe are calculated in harmonic approximation by using a dynamic matrix based on nonempirical short-range repulsion potential as well as the integration by the points of the principal value in the Brillouine zone. The resulted pressure dependence of the Debye temperature is in a good agreement with the experiment for Ne. The role of zero-point vibrations in the thermodynamics of the entire series of rare-gas crystals and, in particular, in the validity of the Lindeman melting criterion has been analyzed.

Keywords: rare-gas crystals, the dynamic matrix, phonon frequencies, the lattice heat capacity, the Debye temperature, zero-point vibrations, mean-square displacement

Fig. 1. Dependences of the energy E_{zp} of zero-point vibrations on the compression ratio $\Delta V/V_0$ for light rare-gas crystals calculated in the M3 model without inclusion of the electron-phonon interaction (solid lines) and in the M3a model with the electron-phonon interaction (dashed lines): $\square$ – Ne, $\circ$ – Ar

Fig. 2. The volume dependence of Debye temperature for Ne: $\square$, $\circ$ – calculation in the M3 and M5 models, respectively; $\star$ – experiment [17]; the dashed line is an extrapolation drawn by us to the value $\theta_D = 75$ K at $V_0 = 22.234 \text{ \AA}^3/\text{at}$ [17]

Fig. 3. Temperature dependence of the mean-square displacements $\langle u^2(T) \rangle$ for Ne (a), Ar (b), Kr (c) and Xe (d) (see (4)) at different compression ratios $\Delta V/V_0$: 1 – 0.0, 2 – 0.1, 3 – 0.2, 4 – 0.3, 5 – 0.4, 6 – 0.5, 7 – 0.6, 8 – 0.7